

Чэнь Байчэнь усмехнулся:

— Ага.

Он был не в духе, хотел просто тихо-мирно пережить этот день, но раз уж кто-то сам напросился на неприятности, он готов был поиграть.

Чэнь Байчэнь произнёс:

— Ну давай, кинь то, что у тебя в руках, сюда.

Гуань Сяо выругался:

— Ты думаешь, я не осмелюсь?

Чэнь Байчэнь презрительно усмехнулся, но не ожидал, что Гуань Сяо на самом деле схватит огромный снежный ком и ворвётся в подъезд.

Гуань Сяо мог бы поклясться, что после пятнадцати лет не занимался такими детскими шалостями, но сегодня словно одержимый решил во что бы то ни стало выпустить пар.

Он вбежал на третий этаж и пнул дверь ногой, подумав: «Эти ботинки теперь в мусорку».

Чэнь Байчэнь видел, как он вошёл, и, услышав стук, не спеша подошёл открывать.

День выдался скверный, а тут человек сам напрашивается на побои — отлично.

Он открыл дверь, и в лицо ему тут же ударил снежный ком.

Снежок был ледяным, разлетелся на части: куски прилипли к лицу и волосам, часть сыпанула под воротник.

Было очень холодно, словно обнял только что вынутую из холодильника бутылку.

Чэнь Байчэнь слегка нахмурил брови и прикусил губу.

Гуань Сяо замер, потому что совершенно не ожидал, что этот человек даже не уклонится, да и после удара не станет ругаться.

Гуань Сяо был из тех, кто, если с ним кто-то вступает в спор, никогда не отступит, но если видит слабость, то первым извиняется.

Хотя этот пьяница его бесил, сейчас, после попадания огромного снежка, он выглядел в глазах Гуань Сяо даже жалким.

Молчал, закрыв глаза, нахмурившись, прикусив губу.

В квартире было тепло, и вскоре снег в волосах Чэнь Байчэня растаял, вода капала вниз.

Гуань Сяо смотрел на него и с некоторой неуверенностью сказал:

— Ты чего? Не притворяйся жертвой, снежком никого не убьёшь.

Чэнь Байчэнь открыл глаза, посмотрел на стоящего перед ним, и капля талой воды попала ему в глаз.

Он поднял руку и наугад потер глаз, очень сильно, до красноты.

От этого он выглядел ещё более жалким.

Внезапно Гуань Сяо почувствовал себя злодеем, пришедшим обижать человека, пусть даже тот и начал первым.

— Ты...

— Убирайся, — холодно произнёс Чэнь Байчэнь. — Уйди подальше.

Чэнь Байчэнь чувствовал себя нелепо.

Не говоря о прошлом, хотя бы о сегодняшнем дне. Сегодня именно он первый начал задирать Гуань Сяо, а в итоге первым же и взбесился.

Такие люди нигде не нравятся.

Попала в глаз воду — потёр, и всё прошло.

А вот если заноза застряла в сердце, как её ни выковыривай, не вытащишь.

Человек перед ним застыл, словно ошарашенный его словами.

Чэнь Байчэнь вздохнул и произнёс:

— Подожди.

Гуань Сяо стоял в дверях, глупо глядя на трезвого пьяницу, который развернулся и пошёл в комнату. Он не мог понять, что именно он чувствует.

Что-то кислое, словно человек, не переносящий кислого, жуёт лимон.

Гуань Сяо не хотел на самом деле никого обижать. Даже если раньше и хотел, то после того, как узнал о случившемся в семье Чэнь Байчэня, желание исчезло.

Хотя Гуань Сяо обычно казался высокомерным — типичный избалованный сын богатых родителей, не знающий горя, — на самом деле он просто вёл себя чуточку надменно. Единственная причина, с ним было сложно общаться, это его мизофобия, а не характер.

Гуань Сяо не был хулиганом. Хотя он и не был джентльменом, он точно не был тем типом, который любит издеваться над людьми.

Но сейчас, стоя здесь, он чувствовал себя полным мерзавцем.

Покрасневшие от натирания глаза Чэнь Байчэня внезапно вызвали у него чувство вины. Он ведь просто хотел по-дружески подурочиться, а получилось, что он довёл человека до слёз.

Гуань Сяо посмотрел вниз на таявший у порога снег — он превратился в лужу и намочил его обувь.

Он достал из кармана бумажную салфетку, аккуратно вытер ботинки и, подумав, просунул голову в дверь:

— Где у тебя швабра? Я тут уберу.

Чэнь Байчэнь вернулся, неся в руках пакет.

— Не надо, — холодно ответил он и протянул пакет Гуань Сяо.

— Что это? — спросил Гуань Сяо, чувствуя себя виноватым, он говорил тише обычного.

— Твоя одежда, — без выражения сказал Чэнь Байчэнь. — Вернул. Перестирай сам, когда вернёшься.

Гуань Сяо улыбнулся:

— Ты же уже постирал, зачем ещё раз?

Услышав собственные слова, Гуань Сяо сам удивился.

На самом деле он не собирался забирать эту одежду.

Его одежда требовала особого ухода, её надо было сдавать в химчистку, разные бренды и материалы стирались по-разному, да и дезинфекция была обязательна.

Он не знал, как именно тот постирал её, но он видел, как он сушил: просто повесил на балконе зимой, где всё замерзло в ледяную глыбу. Разве на такую одежду ещё можно смотреть?

Обычно Гуань Сяо бы начал возмущаться и даже не взял бы пакет в руки.

Но сегодня он чувствовал вину и старался говорить вежливо.

Чэнь Байчэнь не обращал на это внимания, он просто хотел отдать одежду и рассчитаться, чтобы этот тип скорее ушёл, а то он сам вот-вот не выдержит.

— Как хочешь.

Чэнь Байчэнь начал выталкивать его:

— Я закрываю дверь.

Гуань Сяо, получивший отповедь, попятился и был выдворен наружу.

Дверь закрылась, и Гуань Сяо услышал явный звук щелчка замка. На душе у него было скверно.

Чэнь Байчэнь закрыл дверь, наступил ногой на воду и чуть не поскользнулся.

Он опустил взгляд на лужу, вспомнил ощущение, когда огромный снежный ком ударил его в лицо, и на этот раз действительно заплакал.

Сегодня был день рождения его матери. Много лет назад, зимой, когда он был ещё глупым мальчишкой, не знающим жизни, он в снежопад играл в снежки с ребятами и вернулся домой таким же мокрым.

Тогда мать сказала:

— Если будешь продолжать так же, я тебя не хочу.

Ирония в том, что с тех пор Чэнь Байчэнь больше никогда не играл в снежки, но мать всё равно его не захотела.

Он сел на пол, прямо в эту лужу.

Голова болела, кружилась, и он невольно вспомнил то утро.

Он проснулся, обнаружил, что завтрака нет, начал искать родителей, обошёл весь дом, и наконец открыл дверь в их спальню.

В тот момент его первой мыслью было не «почему они умерли?», а «почему они умерли без меня?».

В ту секунду Чэнь Байчэнь почувствовал себя брошенным, осознав, что он действительно никому не нужен.

Перед глазами стояли родители, лежащие на кровати без признаков жизни. Ужасно и холодно.

— Эй...

Вдруг кто-то постучал в дверь. Чэнь Байчэнь поднял голову.

За дверью стоял Гуань Сяо с пакетом в руке. Он нахмурился и, запинаясь, произнёс:

— Эй... Прости.

За дверью кто-то говорил «прости».

Раньше Чэнь Байчэнь какое-то время думал, что весь мир виноват перед ним.

Его мир был равен его родителям.

Логично, что самоубийство родителей стало для него сильнейшим ударом, и сцена с их холодными окоченевшими телами должна была запомниться на всю жизнь.

Но на самом деле он этого не помнил.

Сначала он не хотел помнить, намеренно забывал.

Спустя годы он оглянулся назад, пытаясь заполнить пробел в памяти, но ничего не вышло.

Он не мог вспомнить.

Всё, что он помнил, это белое облако тумана, под которым были слова: «Не я решаю твою судьбу».

Это была единственная фраза в предсмертной записке отца.

Она была адресована не «моему сыну», а «Чэнь Байчэню».

Никакого предисловия, никаких последствий.

Они просто ушли, оставив Чэнь Байчэня в этом мире, в котором он никак не мог найти своё место, кружась в тумане.

Он чувствовал, что эти двое превратились из его близких в его врагов. Они, должно быть, ненавидели его, раз не оставили ни лишнего объяснения, ни прощального взгляда.

Они были виноваты перед ним.

Но потом Чэнь Байчэнь начал думать, что это он виноват перед всем миром.

Ему было чуть за двадцать, безработный бродяга, целыми днями пьющий и видящий сны.

Он пил разнообразный алкоголь, способный убить его, и видел сны, способные погубить его.

Однажды ему приснился сон, где он увидел ту пару, своих врагов. Они сказали:

— Ты живёшь вот так, и это правильно?

Во сне Чэнь Байчэнь хотел поспорить с ними и выяснить, кто же на самом деле виноват.

Но из-за чрезмерного употребления алкоголя он упал, так и не успев открыть рот.

Проснувшись, он долго размышлял, но ничего не запомнил, кроме того, что он виноват перед ними.

Он был выжившим в этом мире злом.

И вот такому человеку говорят «прости»?

За что просят прощения?

За то, что ты всё ещё жив?

<http://bllate.org/book/16763/1563440>